

—...Чего? — спустя добрую минуту выдавил из себя Ли Цюань, ошарашенно ковыряя в ухе. — Погоди, парень... Кажется, мне послышалось. Повтори-ка еще раз?

Сунь Бин и не думал обижаться. Он вскинул голову и посмотрел на Ли Цюаня горящим, пронзительным взглядом.

— Брат Ли! Раньше я не видел дальше своего носа и не признал в вас истинного мастера, молю — не держите зла! Такого божественного искусства, чтобы одной стрелой сразить сразу двоих, я за всю свою жизнь не встречал! Вы... вы просто обязаны взять меня в ученики! Отныне и впредь, будь то поход, установка шатров или даже опорожнение ваших ночных горшков — я готов на любую службу, лишь бы следовать за вами!

Договорив, он рухнул на колени и принялся неистово бить челобитную.

Ли Цюань перепугался не на шутку.

— Да что ты творишь?! — Он поспешно вцепился в плечи парня, пытаясь поднять его с земли. — У тебя что, лихорадка началась? С чего такие нежности?

В лунном свете лицо Сунь Бина казалось необычайно бледным, лишь на скулах играл легкий румянец. Он перестал смотреть ястребиным взором, его мечевидные брови больше не были нахмурены, и от дневной спеси не осталось и следа. При таком мягком освещении черты его лица смягчились, и при всей природной стати он стал походить на тех утонченных талантов из Цзяннани, о которых распевают в театральных постановках.

Юноша опустил глаза, словно не смея встретиться с Ли Цюанем взглядом, и пробормотал:

— Брат Ли... за то, что было днем... простите меня, подлеца...

Ли Цюань, всегда питавший слабость к красивым людям, невольно засмотрелся. А парень продолжал:

— Я-то грешным делом думал, что вы в гвардии только благодаря тому, что усердно обслуживаете генерала задом. И в мыслях не было, что вы — настоящий умелец!

Тут он резко вскинул голову и посмотрел с таким фанатичным блеском, что у Ли Цюаня мурашки побежали по коже.

— Брат Ли! Если я вам не противен, возьмите меня в ученики!

Он мертвой хваткой вцепился в руку Ли Цюаня, явно намереваясь стоять на своем до конца.

Разумеется, Ли Цюань не мог позволить земляку десятника Чжао выносить за собой горшки среди ночи.

— Ладно, ладно! Я научу тебя всему, что знаю, только перестань кланяться! Наставник из меня никакой, не заслужил я таких почестей!

— Правда?! Вы согласны?! — Сунь Бин слышал только то, что хотел слышать. Он сжал ладонь Ли Цюаня и посмотрел с таким восторгом, что его взгляд стал ярче звезд на небосклоне. В этом восторге было что-то пугающее — так огромный змей смотрит на лягушку, прежде чем проглотить.

«Сестренка, ну за что мне это...» — тоскливо подумал Ли Цюань, чувствуя себя совершенно беспомощным.

Позже выяснилось, что Сунь Бин был человеком крайностей: если ему в душу запало какое-то мастерство, он костями ляжет, но освоит его.

Десятник Чжао потом лишь подтвердил это, посмеиваясь:

— Он единственный сын в семье. Две старшие сестры, одна младшая — три поколения ждали наследника, вот и затискали парня, испортили в край. Но душа у него не черная, это точно.

Затем он, по своей привычке, хлопнул Ли Цюаню по плечу:

— А ты, малец, я смотрю, пользуешься успехом? Смотри, как бы генерал не прознал, что ты себе на стороне «младшенького» завел.

Ли Цюань лишь горько усмехнулся. Теперь понятно, почему этот парень так пер напролом, не слушая возражений — в этом упрямстве он был до боли похож на самого генерала Фань Ло.

Благодаря появлению такого «ученика», Ли Цюаню больше не приходилось коротать дозоры в одиночестве или прибиваться к чужим группам. После ухода брата Вана это было первое подобие надежного плеча рядом.

— Наставник, ну как вы стали таким крутым? — Сунь Бин наотрез отказался называть его по имени. Несмотря на смазливое лицо, повадки у него были совершенно детские.

Ли Цюань, разглядывая то небо, то землю, туманно отвечал:

— Ну... это дело такое... предками завещанное.

Сунь Бин тоже принимался разглядывать облака с видом благоговейного восторга:

— Предки наставника... Наверное, они были великими людьми...

Казалось, он вот-вот попросится к Ли Цюаню в сыновья.

К счастью, своих собственных предков он тоже чтит:

— Знаете, наставник, мой отец ведь тоже служил под началом маркиза, усмиряющего дальние земли. Только не нынешнего генерала, а его отца.

Ли Цюань замер.

— Отца генерала? Того самого «Бога войны, защищающего государство»?

Сунь Бин кивнул.

— Именно. Фань Ин, Бог войны, защищающий государство. Он ведь был перебежчиком из Западных варваров. Отец рассказывал, что когда он поступил на службу, Фань Ин еще не был маркизом, так — мелкий командир. Но...

Парень запнулся и посмотрел на россыпь звезд.

— Но отец всегда говорил: есть такие люди, которые могут и слова не проронить, а ты уже готов за ними в огонь и в воду. В те времена их боевой клич гремел так: «Под стягом Бога войны, защищающего государство — хоть в пучину Ада, хоть к демонам на растерзание... разве ведом нам страх?»

Ли Цюань невольно представил, какой мощью должен был обладать этот рев десятков тысяч глоток.

— Ха-ха, правда, когда отец это вспоминает, матушка вечно таскает его за уши и ругает старым дурнем, — парень смущенно поскреб затылок.

Ли Цюань задумчиво прищурился.

— Перебежчик из Западных варваров... Значит, отец генерала был из тех варваров?

— Ой, наставник, вы что, не знали? В те времена об этом вся Великая Цзинь трубила! — Сунь Бин затараторил, словно по писаному. — Когда он спас покойного императора, бежавшего из плена западных варваров, и доставил его в столицу, ему дали всего десять тысяч воинов. И с

этой горсткой людей он умудрился опрокинуть триста тысяч врагов! Он заставил этих дикарей подписать договор о ненападении. С того дня на наших границах и наступило десятилетие процветания.

«Десятилетие процветания...» — Ли Цюань лишь криво усмехнулся. — «В моей глухомани новости доходят долго».

Оказывается, варварская кровь генерала вовсе не была какой-то страшной тайной? А он-то, дурак, целый месяц изводил себя переживаниями...

— Слушай, Сунь Бин, а твоему отцу не было... ну, не по себе? Служить под началом западного варвара?

Юноша искренне удивился.

— Наставник, вот если бы перед вами стоял выбор: пойти за генералом Великой Цзинь и сдохнуть в первой же канаве, или пойти за генералом западных варваров и остаться в живых — кого бы вы выбрали? Мой отец остался жив, а его земляки, что ушли к другому военачальнику, полегли в поле, и тел их даже не нашли.

Ли Цюань осекся, не зная, что возразить.

— Ха-ха, да вы не переживайте, наставник! Генерал Фань своих в обиду не даст, ваше дело — стрелы пускать, а об остальном пусть у него голова болит!

Ли Цюаню показалось, что в этот момент Сунь Бин стал подозрительно похож на своего земляка Чжао — та же многозначительная ухмылка, напрочь портившая его породистое лицо.

— Слушай, — подозрительно спросил Ли Цюань, — ты же раньше на дух не переносил всю эту... близость с генералом. С чего вдруг перестал кривиться?

Лучше бы он не спрашивал. Парень густо покраснел и, опустив голову, проямлил:

— Ну... я не то чтобы против самой сути... Просто однажды зашел к военному советнику и встретил там господина Фэна...

— Это того самого, что сыплет любезностями, пахнет цветами и выглядит как прекрасный бутон? — уточнил Ли Цюань.

Сунь Бин закивал как заведенный.

— Да-да! Он был так добр, помог мне в одном деле... А потом я узнал, что он — всего лишь слуга военного советника Фан Уби. И я подумал: если у советника такие слуги, то кто же тогда у генерала? Наверное, какая-нибудь сказочная красавица, первый цвет империи?

Ли Цюань промолчал. Он помрачнел.

— А потом я прибежал посмотреть... Э-э... Наставник, ну что было, то былшем поросло, зачем старое поминать? — Сунь Бин закашлялся и принялся увлеченно разглядывать свои сапоги.

«Да уж, поминать не надо». Теперь Ли Цюань всё понял. Этот паршивец тогда пришел в ярость не из соображений морали, а просто потому, что ожидал увидеть на месте фаворита генерала кого-то покрасивее. А увидел его.

И в лазарет он бегал под предлогом ученичества только ради того, чтобы лишний раз стрельнуть глазами на Бай Фэна, который там ошивался!

Тьфу! Сплошная корысть и никакой верности!

Заметив, что атмосфера накаляется, Сунь Бин поспешно сменил тему:

— Наставник, а когда у вас будет время обучить меня тому приему со стрелами? Как только я его освою, сразу совершу великий подвиг, прославлю свой род и покажу отцу, что сын его превзошел!

Парень сиял. Он уже видел себя в расшитых одеждах, верхом на белом коне, возвращающимся в родную деревню триумфатором, словно Первый лауреат государственных экзаменов.

Ли Цюань снисходительно усмехнулся и погладил подбородок с важным видом:

— Куда ты летишь? Разве стрельбе можно обучиться за день? Вот выберемся как-нибудь в горы на охоту, там сама жизнь тебя и научит...

— Правда?! — Сунь Бин аж подпрыгнул от восторга.

Ли Цюань отшутился, кое-как замяв разговор.

Никто из них тогда не догадывался, что этой охоте не суждено было случиться.

***

Спустя три дня, во время обхода лагеря, десятник Чжао схватил шпиона Западных варваров

всего в нескольких шагах от шатра генерала. При обыске у того нашли тончайшее лезвие, смазанное ядом «мгновенной смерти» — намерения врага не оставляли сомнений.

В тот же день от передовых дозоров пришла тревожная весть: в десяти верстах от границ Ючжоу и в двадцати верстах к северо-западу от расположения армии обнаружен лагерь Западных варваров.

Разведка по стягам установила — армия принадлежит младшему брату императора западных варваров, небезызвестному Маркизу Свободы. И судя по запасам провианта, под его началом не менее двухсот тысяч сабель.

Той же ночью пленный шпион, воспользовавшись оплошностью стражи, с размаху ударился затылком о землю, проломив череп. Он умер, истекая кровью, не оставив ни единой зацепки.

Занавес поднялся. Начиналась «Битва на полях Ючжоу», которой суждено было навеки прославиться в летописях четырех государств.

<http://bllate.org/book/17414/1659040>